

И. В. РУЖИЦКИЙ
Е. В. ПОТЁМКИНА
г. Москва, Россия
konnitie@mail.ru
kpisareva@yandex.ru

УДК 378.016:811.161.1

МНЕМЫ И МЕМЫ КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования мемов и мнем в лингводидактике, в частности, в преподавании русского языка как иностранного. Мнема при этом понимается как совокупность ассоциаций различного типа, хранящихся в коллективной памяти представителей определённой национальной культуры, т. е. является отсылкой к прецедентному тексту культурной памяти. Что касается интернет-мема, то главная цель его использования – эмоциональное воздействие на участника коммуникации с помощью изображения, часто в сочетании с текстом. Основная гипотеза, выдвигаемая в статье, состоит в том, что мем – это игра с мнемой, вербальной и невербальной, соединяющая ассоциации различных типов, прежде всего картинку, с её вербальной составляющей, что впоследствии даёт возможность погрузиться в прецедентный текст русской культурной памяти. Реализация людической и энigmatической функций мема и мнемы создаёт возможность для развития лингвокреативной компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык.

Ключевые слова: русская культурная память, прецедентные тексты, мнеммы, мемы, языковая игра, лингвокреативные компетенции, лингвокреативность, русский язык как иностранный, РКИ, методика преподавания русского языка.

RUZHITSKY IGOR V.,
POTYOMKINA EKATERINA V.
Moscow, Russia

MNEMAS AND MEMES AS A MOTIVATION FOR THE DEVELOPMENT OF LINGUOCREATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS

Abstract. The article describes the possibilities of using memes and mnemas in linguodidactics, particularly, in teaching Russian as a foreign language. Mnema is understood as a set of associations of different types stored in the collective memory of representatives of a certain national culture, i.e. it is a reference to the precedent text of cultural memory. As for the Internet meme, the main purpose of its use is the emotional impact on the participant of communication with the help of an image often in combination with a text. The main hypothesis put forward in the article is that a meme is a playing with a mnema, verbal and nonverbal, connecting associations of various types, primarily a picture, with its verbal component, which subsequently makes it possible to immerse yourself in the precedent text of Russian cultural memory. The realization of ludic and enigmatic functions of meme and mnema creates an opportunity for the development of linguocreative competence of foreign students studying Russian.

Keywords: Russian cultural memory, precedent text, mnema, meme, language game, linguocreative competence.

Прежде всего конкретизируем содержание используемых в статье ключевых понятий, которые начали входить в научный обиход относительно недавно.

Под культурной памятью (далее – КП) понимается групповая, коллективная память представителей определённого этноса. При этом мы считаем целесообразным разделить понятия «культурная память» и «историческая память» (далее – ИП): первая обязательно образом связана с процессом узнавания, воспоминания. «Эффект узнавания (“я думаю, чувствую, вижу, помню так же”) приводит к обобщению и наращиванию, углублению опыта, развитию языковой личности, тогда как неузнавание (“я этого не понимаю, я так не помню, не вижу, не чувствую”) – к нарушению связности восприятия и коммуникации, вербальной и невербальной. Узнавание и воспоминание лежат в

основе понимания» [Елистратов, Потёмкина, Ружицкий 2021: 109]. Что касается ИП, то она с узнаванием никак не связана: это какое-либо событие, лицо и т. д., которое мы не в состоянии представить, «увидеть», оно не вызывает в нашем сознании никаких ассоциаций. Память вообще, таким образом, можно рассматривать как ассоциативное поле, состоящее из множества других полей, включающее, в свою очередь, в качестве строевых элементов цепочки ассоциаций различных типов. Человеческий мозг способен запечатлеть практически любой объём информации, однако, по всевозможным причинам, человек вспоминает далеко не всё.

В связи со сказанным выше интересными представляются рассуждения У. Эко о феномене памяти: «Видов памяти несколько. Одна память называется имплицитной, она позволяет производить последовательности действий, закрепившиеся на рефлекторном уровне, то есть чистить зубы, включать радио, завязывать галстук. <...> Действуя на основании имплицитной памяти, мы и не сознаем, что что-то помним, мы действуем автоматически» [Эко 2008: URL]. Имплицитная память является необходимым условием существования человека, классический пример – история о сороконожке, которая задумалась над тем, как она может передвигать своими сорока ногами, и в тот момент, как задумалась, сразу же остановилась и вообще разучилась ходить. «Кроме того, бывает память эксплицитная, то есть когда мы помним, что что-то помним. Однако эксплицитная память – вещь двоякая. Она включает в себя то, что нынче принято называть семантической памятью <...>. На состояние этой вашей памяти, мягко говоря, жаловаться нечего, вас тронь только, и вылезает куча воспоминаний, цитат, готовых фраз. Но эта часть эксплицитной памяти самая первоочередная, она, скажем, формируется у ребёнка прежде всех прочих <...>. Но вот что ребёнку стоит больших сил и времени, это вторая часть эксплицитной памяти, то есть эпизодическая, или автобиографическая <...>. Именно эпизодическая память увязывает то, чем мы являемся, с тем, чем мы являлись, иначе, говоря “я”, мы должны были бы подразумевать только то, что ощущаем в момент говорения, а не то, что ощущали до акта говорения, и всё остальное

терялось бы, как вы выразились, в тумане... Вы утратили не семантическую память, а эпизодическую, забыли события своей жизни. В общем, вам известно только то, что известно и другим...» [там же]. Отметим, что феномен КП связан как с имплицитной памятью, так и с эксплицитной, коллективной.

Приведём некоторые примеры соотношения КП и ИП. Фрейм (совокупность данных, необходимых для представления какой-либо стереотипной ситуации) «русское чаепитие» относится исключительно к КП: встречая, допустим, такое сочетание в литературном тексте XIX века, мы в состоянии в целом представить себе эту ситуацию, возможно, благодаря её детальному описанию, картинам Бориса Кустодиева или Василия Перова, художественным фильмам и т. п. Возникают соответствующие ассоциации – *самовар, заварочный чайник, заваривать, чашки с блюдцами, сахар, беседка, душевный разговор, длится довольно долго* и др., в отличие, например, от Битвы на реке Калке 1223 года, не вызывающей у подавляющего большинства носителей русской культуры никаких ассоциаций, это элемент только ИП. Тем не менее существуют реалии, фреймы, персонажи и т. п., которые можно отнести и к КП, и к ИП: *Бородинское сражение, Пётр I* и т. д., благодаря интерпретации в различного рода текстах такие объекты и события способны «пробуждать» цепочки ассоциаций.

КП рассматривается нами как прецедентный текст (далее – ПТ) особого типа (подробнее см. в [Ружицкий 2014]), его ключевым свойством является наличие отсылок (*прецедент* – ‘случай, на который ссылаются при принятии решения’). Именно такую трактовку ПТ мы находим у Ю.Н. Караулова – создателя концепции ПТ (см. [Караулов 1987]). При этом ПТ понимается очень широко, не только как вербальный, но и как невербальный текст – картина, музыкальное произведение, архитектурное сооружение и т. д. В качестве отсылок к ПТ могут выступать, например, имя автора или имя персонажа; фразы, ставшие крылатыми; прямые или скрытые, трансформированные цитаты; картинки (кот Матроскин на продукции фирмы «Простоквашино»); реинтерпретации; карикатуры, политические плакаты, что тоже своего рода реинтерпретация; мелодии и т. д. Из всех

функций, которые выполняют отсылки к ПТ в коммуникации, наиболее важными в аспекте разрабатываемой в данной статье темы являются контактообразующая, функция паролности, людическая и энигматическая.

Если КП рассматривается как ПТ, естественным образом возникает вопрос, что считать отсылкой к тексту такого типа. Полагаем, что такого рода отсылками служит то, что способно пробуждать в памяти коллективные, групповые ассоциации – имя, фраза, картинка, мелодия и др. Подобные единицы – отсылки к ПТ русской КП, мы называем мнемами. Мнема – это «совокупность ассоциаций различного типа – зрительных, осязательных, обонятельных, двигательных, вкусовых и др., хранящихся в коллективной памяти представителей определённой культуры» [Ружицкий 2014: 61].

Большинство мнем (но далеко не все) связаны с детской памятью и с детским языковым сознанием. Не случайно У. Эко приводит в пример память ребёнка, поскольку именно в детском возрасте начинает складываться мозаика мнем, опираясь на которую человек во многом и строит впоследствии повседневную коммуникацию. Не случайно также и то, что мотив детских мнем часто встречается в литературных произведениях. Можно в связи с этим вспомнить сны о детстве Раскольникова, самого Ф.М. Достоевского... Отголоски ярких визуальных, слуховых, вкусовых, тактильных ассоциаций впоследствии сопровождают персонажей во взрослой жизни. Более того, детские сны могут стать важным символом, определяющим дальнейшие поступки человека. Мотив памяти, в том числе и детских воспоминаний, является одним из основных для творчества И.А. Бунина. Так, в стихотворении «Помню – долгий зимний вечер...» слуховая мнема-ассоциация – «шум берёз» и «шёпот колосьев» составляет своеобразный мнемический фонд русской КП: *Вместе с тихим сном сливалось / Убаюкиванье грёз – / Шёпот зреющих колосьев / И невнятный шум берёз...*

В упомянутом выше романе У. Эко идея воссоздания жизни человека по осколкам памяти реализована максимально наглядно за счёт использования в тексте большого количества различных «картинок», вызывающих у главного героя мнемические

ассоциации. То же можно сказать и о снах-воспоминаниях, которые мы встречаем у многих других писателей.

Приведём несколько примеров того, что мнема непосредственным образом связана с ПТ русской КП, более того – способна «пробуждать» этот текст, воссоздавая цепочки всевозможных ассоциаций.

Пример 1

Буквы «еръ» и «ять» в нейминге – не что иное, как опора на их мнемическую функцию. Сами буквы являются отсылками к ПТ русской КП, способом погрузить в старину, тем самым вызвав положительные ассоциации. Таких наименований довольно много: «по данным “СПАРК-Интерфакс”, более 50 российских компаний использовали в названии слово “ять” и ещё 219 организаций – твёрдый знак. В подавляющем большинстве случаев “Ъ” и “ь” употребляют в сферах торговли (как розничной, так и оптовой), чуть реже – в названиях строительных и юридических фирм. Как отмечают эксперты, бренды на старый манер – попытка искусственно привить компании историю и традиции» [Старинные слова... URL]. Это такие названия, как «КоммерсантЪ», «МясновЪ», «ХлЪб насущный», водка «Ъ», «ДурдинЪ» и др. Показательно то, какие объяснения предназначений букв «Ъ» и «ь» дают сами маркетологи, придумавшие эти названия: «обратить на себя внимание взрослой аудитории», «мягкое диссидентство», апелляция к «сверхпамяти потребителей», «отсылка к старорусским традициям» и др. [там же]. Такие ассоциации связаны с древнерусским текстом, а древнерусскому тексту можно доверять.

Пример 2

В десятиминутной короткометражке «Моё богатство (три копейки)» Ярослава Чеважевского [Моё богатство: URL] показан неполный день двух мальчиков, один из которых находит старую трёхкопеечную монету. Монета послужила импульсом, «триггером», пробуждающим целую цепочку ассоциаций, объединённых в мнемы-фреймы: «пить газированную воду из автомата» (*гранёный стакан, трёшка, вода с сиропом, звук наливающейся в стакан воды*); «бегать по гаражам», «поджигать пластмассу и играть её расплавленными каплями в войну»; «ехать на трамвае без билета и убежать от кондуктора»; «прогуливать школу, сказав, что идёшь в поликлинику»; «искать что-то на помойке» и др. Примечательны комментарии зрителей фильма, непосредственным образом отражающие саму суть категории мнемы. Таких комментариев около 5000: *когда увидел, как наливается ли-*

монад в стакан, аж сердце защемило; газировка зашипела, вкус лимонада вспомнился, помню бутылки собирали и сдавали, чтоб мороженое купить; вся страна пила из этих стаканов и никакой тебе «пандемии». И стаканы не воровали. А некоторые автоматы наливали воду просто «за удар кулаком»; С бронхитом в холодную лужу и потом в поликлинику на прогревание – так лечились большинство детей, кто не хотел идти в школу; Славики выходи!!!; И мама в окно звала на обед; А у меня шрам остался от капли горячей пластмассы; Вспомнил детство. Как раньше дымовухи делали, жгли пластмассу, смолу, бегали по стройкам, пугачи из стиц делали. В те годы было самое прекрасное детство; Запах извести, карбида, гудрона, карболки и подгорелой каши (детсад, школа), запах прокисшего молока (рядом с домом молочный магазин был, часть пакетов текло при разгрузке на асфальт), запах всякой сжигаемой в ходе пироксperimentов пластмассы – вот запахи моего детства!; Пусть моё детство прошло не во времена СССР, я даже автоматов с газировкой не помню... Но мне просто дико понравилось!; Вот оно – счастье за 3 копейки. Мы видим, как одна мнема-реалия, трёхкопеечная монета, пробуждает целый комплекс ассоциаций, многие из которых можно рассматривать как самостоятельные мнемы-фреймы.

Пример 3

Какая-либо реалия из прошлого (трёхкопеечная монета в Примере 2), даже её изображение, может становиться стимулом для пробуждения целого комплекса ассоциаций, объединённых в мнемы-фреймы, например та, что показана на Рис. 1, которую можно условно назвать «железяка от трансформатора», связанная с такими ассоциациями, как *стройка, гудрон, строительные патроны, карбид, убежать от сторожа, бросать эту железяку в забор* и др.

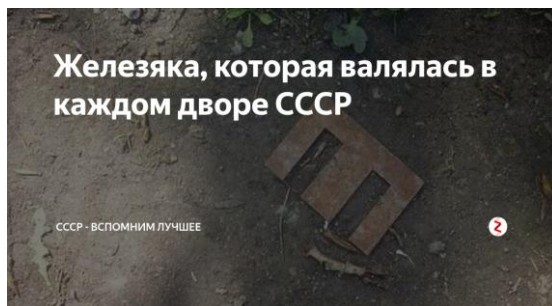

Рис. 1

Пример 4

То же мы можем видеть на картинках ниже (Рис. 2), способных пробуждать в памяти целый комплекс ассоциаций, далеко не всегда понятных, например, иностранцам. Примечательно, что большинство картинок из данной серии сопровождается надписями, многие из которых есть не что иное, как названия (имена) фреймов: «вечернее пришивание воротничка и манжет к форме», «стихи для гостей», «дышать над паром», «выращивание лука на окне», «гладить галстук», «сдавать молочные бутылки» и др. (см. [Двоскина 2021]).

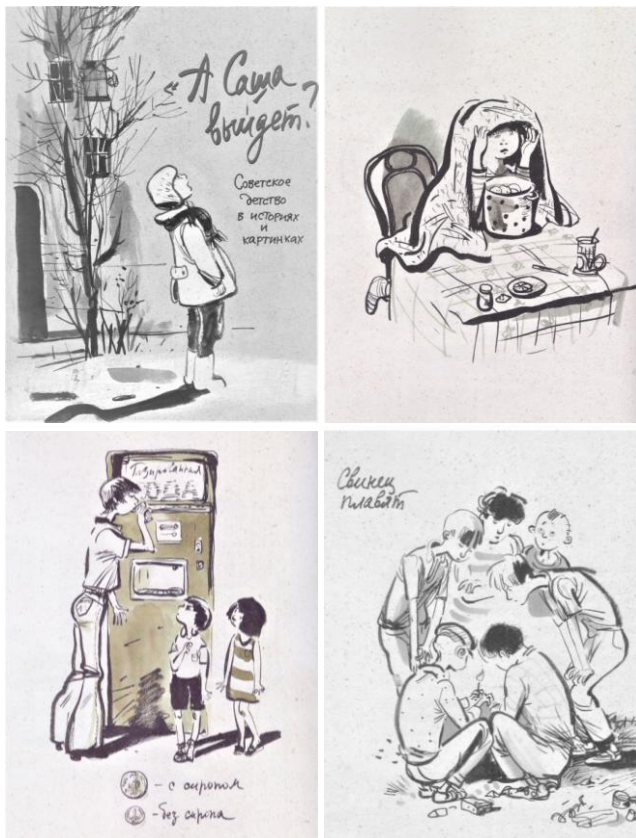

Рис. 2

Помимо общения в бытовой, социокультурной, профессиональной сферах в настоящее время важную роль играет общение в интернете или посредством интернета, когда одним из способов обмена информацией, прежде всего эмоционально нагру-

женной, является мем. Цель использования мема в коммуникации совпадает с функциями карикатуры, иллюстрации, а также смайликов и гифок – эмоциональное воздействие на собеседника с помощью изображения, часто в сочетании с текстом.

Интернет-мем – это вербализованная и/или визуализированная информация различного характера. Термин «мем» был предложен Ричардом Докинзом, рассматривающим мемы как репликаторы, объекты, которые копируют сами себя. Такие объекты могут «размножаться» как по воле своего создателя, так и самостоятельно. «Среди основных свойств интернет-мема можно выделить следующие: (1) отсутствие авторства, что сближает его с фольклорными жанрами, (2) комичность, (3) цитируемость (копируемость), (4) игровое начало. Последнее свойство есть проявление творческого начала языковой личности: помимо прямого копирования мемы претерпевают многочисленные видоизменения и находятся в процессе постоянного обновления. Обыгрывание происходит как на уровне изображения, картинности, так и на уровне языка» [Елистратов, Потёмкина, Ружицкий 2021: 112]. Понимание и восприятие интернет-мема можно проверить через эмоциональную реакцию – улыбку или смех, отсутствие которых свидетельствует о лакунах в тезуарусе и прагматиконе языковой личности.

В коммуникации мемы могут выполнять следующие функции: «(1) парольность – снятие оппозиции свой \neq чужой, (2) пробуждение у зрителей эмпатии («внутренней» улыбки), основанной на рефлексии (3) аргументация, (4) повышение образности, афористичности речи, (5) создание комического эффекта» [там же: 113]. Отметим сферы общения, в которых бытуют мемы: «в пространстве интернета (в блогах, в социальных сетях, при создании мемов), в политическом дискурсе, в телепередачах, в музыкальных клипах, в рекламных технологиях, в том числе в нейминге, и – в преподавании русского языка как иностранного» [там же].

Иностранцам учащимся, в отличие от носителей русского языка и русской культуры, сложнее распознать иронию, языковую игру, т. е. намеренную «неправильность» речи, используемую в мемах (см., например, Рис. 3). Они часто не в состоянии

«прочитать» интернет-мемы, так как важным условием их распознавания, так же как в случае языковой игры, является ориентация на общую пресуппозицию

Карантин: *заканчивается*

Я, который не работал:

участников коммуникации.

Рис. 3

Возможно, именно влияние таких текстов послужило причиной появления в детской речи (впрочем, далеко не только в детской) частотных «я, которая» или «я такая». Хотя возможно также и то, что это определённые архетипы, сложившиеся в детстве, послужили причиной образования подобных фраз в мемах.

Скажем несколько слов о том, что мы понимаем под «лингвокреативной компетенцией». Как известно, под компетенцией подразумевается «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также к выполнению какой-л. деятельности на основе приобретённых знаний, навыком, умений» [Азимов, Щукин 2018: 128]. Применительно к изучению иностранного языка говорят о языковой, коммуникативной, речевой, грамматической, лексической, лингвострановедческой и др. компетенциях, в которые, очевидно, следует включить и лингвокреативную компетенцию, непосредственным образом связанную с языковой и речевой. Под лингвокреативной компетенцией в данной статье, соответственно, будем понимать способность иностранного учащегося к языковой игре, осуществляемой на материале русского языка. Отметим при этом следующее:

1) овладение иностранным языком имеет много общего с процессом овладения родной речью у ребёнка, тем не менее это вовсе не одно и то же. Если у детей мы видим как «спонтанную

игру “против правил” (не осознаваемое ребёнком нарушение языкового канона; обнаружение языковых возможностей как “правил” собственной речи)», так и «преднамеренное нарушение языкового “канона” (способность ребёнка к осознанной языковой игре)» [Гридина 2016: 4], то в русской речи иностранного учащегося только второе – осознанную интенцию к языковой игре. И у ребёнка, и у иностранного учащегося, тем не менее, через языковую игру идёт поиск некоторого алгоритма – создания слова, построения высказывания и т. д. И в обоих случаях «...в различных “практиках” развития речи роль языковой интуиции и речевой импровизации явно недооценивается» [Гридина 2016: 18].

2) далеко не все иностранные учащиеся имеют потребность к игровой деятельности, что может зависеть от их национально-культурных особенностей, личностных характеристик, уровня владения русским языком и ряда других факторов.

Приведём пример склонности к языковой игре в дискурсе одного иностранного учащегося, Джулиуса (англ., маг., С1–С2).

Пример 5

В одном из писем Джулиус приводит следующую группу глаголов: *(с-)плошать, сплеховать, (на-)косячить, обмишуриться (обмишуриваться), споткнуться (спотыкаться), (на-)портачить, лажануться, облажаться, опростоволоситься, промахнуться (промахиваться)* и задаёт вопрос: «Мне кажется, что приставка *про-* с суффиксом *-ся* могут приобрести значение ошибочного действия, когда они присоединяются к неким глаголам, в том числе *просчитаться, продуматься, проговориться, прокинуться*. Продуктивно ли это? Какой оттенок несут эти *про-* ... *-ся* глаголы?». В других письмах: «Я приехал [на Тайвань] полтора месяца тому назад, и мне пока не удалось вписаться в культуру, в коллектив. Понятное дело, что это в значительной степени из-за низкого уровня моего языка. Очень сильно чувствую свою «чужость». (Кстати говоря, великий и могучий, как мне кажется, избилует существительными со значением 'чужой': *варяг, иноземец, изгой, белая ворона, пришелец, чужак* и т. д.); «Времена, которые мы сейчас переживаем, *престраннейшие* и сложные»; «...карантинный режим в Китае *жёстче жёсткого*... Маленький вопрос(ик): структура “прилагательное в сравнительной степени + прилагательное в родительном падеже” продуктивная?»; «Надеюсь, что в этом году московская зима будет достаточно холодной, настоящей; что не будет никакой *жарковатенькой недозимы*». Т. е. мы видим типичные примеры языковой игры на словообразо-

вательном уровне русского языка, то же можно обнаружить и на других уровнях, например, при модификации фразеологических единиц и отсылку к ПТ.

Наша гипотеза состоит в том, что мем – это игра с мнемой, вербальной и невербальной, он позволяет соединить ассоциации различных типов, прежде всего картинку, например, кадр из фильма или мультфильма, с её вербальной составляющей, что впоследствии даёт возможность погрузиться в ПТ русской КП. Таким образом, реализация людической и энигматической функций мема и мнемы создаёт возможность для развития лингвокреативных способностей иностранных учащихся. Не может не возникнуть вопроса о том, какова цель развития такого рода компетенции? И связанные с ним: «А что дают мемы и мнемы, в частности, для развития лингвокреативной компетенции учащихся? Мы должны обучать языковой норме, а что тогда даёт не-норма?». Безусловно, если что-то у наших иностранных учащихся вызывает непонимание, то это уже интересно с методической точки зрения, поскольку может служить дополнительной мотивацией в обучении. Однако очевидно, что «повышение мотивации» – аргумент явно недостаточный. Точно так же как давно ставшее аксиомой положение о невозможности обучать языку, не обучая культуре носителей этого языка и т. п. лингводидактические штампы.

Выполняя людическую и энигматическую функции, мем и мнema пробуждают «спящие» ассоциации, тем самым активируя определённые участки языкового сознания и способствуя развитию в том числе и речевой деятельности. То, что мы видим, например, в сочинении иностранной учащейся из смешанной (русско-болгарской) семьи Софии (студ., С1–С2):

Пример 6

В магазине я покупаю шоколад. Здесь это всегда фиолетовая обёртка. Давно не обращаю внимания на картинки, ведь покупаю из-за вкуса. Мои глаза попадают на холодный фиолетовый взгляд коровы с обёртки, вызывающий стерильный холод и педантичность, без капельки тепла и эмоций. Когда-то, где-то в глубине темноты моего детства, возникает образ фиолетовой коровы. Все девочки из моего и соседних домов увлекались коллек-

ционированием конфетных фантиков и шоколадных обёрток. В эти серые времена не было особого богатства сладостей. Мне было восемь, и вот уже почти 6 месяцев я жила в Болгарии. Как у недавно приехавшей из Советского Союза, у меня была одна из лучших коллекций. Красочные фантики, с героями неизвестных сказок, привлекали детей. Я гордилась своим богатством и часто обменивалась с подругами, даря им ломтик своей сказки. Фантики были разные из разных стран. Большинство из нас не пробовали этих конфет и шоколадок. Мы часто любовались интересными рисунками и наслаждались исходящим ароматом. Каждая из нас могла подробно рассказать о вкусе воображаемого лакомства и историю приобретения его обёртки. Мы слушали с интересом, и в наших детских головах оживали иные миры – чужие, сказочные и неизвестные никому, кроме его создателя. Сказка начиналась с фантика. Засыпая утром, я чувствовала вкус чёрного, слегка горького русского шоколада. Он значил для меня всё – аромат берёз, зелёной травы, зимний мороз и каток возле дома, дедушкины сказки, гречневую кашу с молоком, костёр и печёную картошку, вишню и запах любви.

На определённом этапе обучения у иностранных студентов начинает складываться ощущение (весьма, надо сказать, оправданное), что в русском языке слишком много всякого рода исключений, касающихся стилевой дифференциации, грамматической, пунктуационной, лексической и др. вариативности и т. д. Развитие лингвокреативной компетенции иностранных учащихся помогает осознать приводящие к такой вариативности механизмы, а значит, по-новому взглянуть и на изучаемый язык. Впрочем, это относится не только к иностранным учащимся... Распознавание (узнавание) является первым и необходимым этапом к созданию.

В практике преподавания русского языка как иностранного использование мемов не является чем-то инновационным, мы здесь скорее видим логичное отражение всеобщего стремления к «модернизации» лингводидактики, о чём свидетельствуют работы [Шурина 2014; Банашек-Шаповалова 2015; Зыкова 2018; Канашина 2018; Писарь 2020 и др.]. Поскольку в основе мема лежит эмоционально окрашенное социально и культурно значимое явление, в иностранной аудитории он прежде всего используется для отработки новой лексики, связанной с темой урока – «Социальные проблемы», «Молодёжь», «Юмор», «Эмоции» и др. Например: мемы из серии «Rage comics» (Яростные комик-

сы), представляющие собой нарисованных в программе Paint персонажей, репрезентируют широкий спектр эмоций и известны по всему миру. Увидев их, учащиеся без труда понимают значение семантизируемой лексики. Данные мемы иллюстрируют следующие лексические единицы: *быть несогласным / не соглашаться, быть возмущенным / возмущаться; быть довольным / радоваться; быть гордым / гордиться* [Зыкова 2018: 1493].

При постановке задачи развития лингвокреативной компетенции интересны следующие типы заданий: «Соотнесите текст с изображением, аргументируйте свой выбор», «Составьте свой мем на основе изображений/фотографий», «Напишите текст для изображения по аналогии с популярными мемами» и др. (см. [В Чехии изучают русские мемы: URL; Использование мемов: URL]). Однако прежде чем создавать что-то новое, необходимо познакомиться с текстами-источниками (ПТ), ответив на вопросы: «Как возник тот или иной мем (какая мнema лежит в его основе)?», «Какую функцию в коммуникации выполняют мем и мнema?» С этой точки зрения для работы в иностранной аудитории целесообразно использовать не любые мемы, а прежде всего те, которые ассоциативно связаны с русской КП. В предложенной Якубом Срока классификации им соответствуют «локальные» мемы: они обращены как к носителям одной страны, так и к представителям определённой среды или социальной группы (цит. по: [Банашек-Шаповалова 2015: 110]). Приведём примеры другого типа заданий, предполагающих работу не только над языковыми явлениями, но и с ПТ национальной КП:

1. Определите культурные компоненты мема (Рис. 4). А. Что вы можете сказать об этом мультфильме? Кто изображён на иллюстрации? Как звучит оригинальный текст героя детского фильма? На чём основана модификация, лежащая в основе мема? <...>

2. Посмотрите или вспомните один из известных российских фильмов (мультфильм, телепередачу). Какой кадр мог бы стать основой мема? Какую цитату вы бы

к нему подобрали?» [там же: 115]

Рис. 4

Одним из интереснейших пластов русской КП являются мультипликационные фильмы, прежде всего советские, которые послужили материалом для создания большого количества мемов (см. Рис. 5).

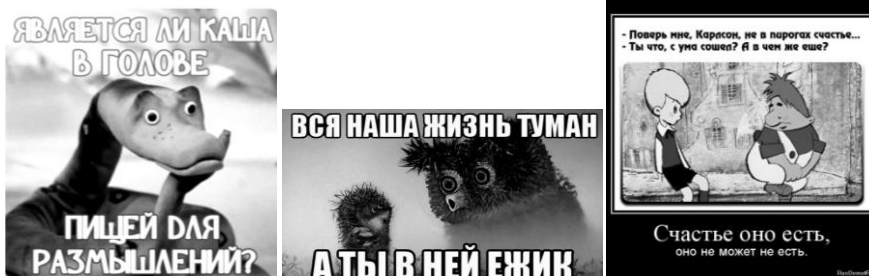

Рис. 5

В статье В. Д. Черняк и Ли Х. ««Баба-яга против» <...>» подчёркивается: «К числу наименее исследованных прецедентных феноменов, активно функционирующих в политическом дискурсе, относятся имена и высказывания из мультфильмов, тогда как этот источник известен каждому носителю языка с детства» [Черняк, Ли 2020: 69]. И далее авторы абсолютно справедливо указывают на то, что косвенным доказательством значимости отсылок к прецедентным текстам мультфильмов в тезаурусе современной русской языковой личности служат материалы ассоциативных словарей, зафиксированные в них слова-реакции, являющиеся отсылками к ПТ мультфильмов, а также фиксация этих единиц во всех современных словарях крылатых слов.

О высокой степени прецедентности мультфильмов свидетельствуют бытующие в повседневном общении крылатые выражения, узнаваемые и легко воспроизводимые строчки из песен, имена, названия, сюжеты, кадры, образы, жесты и даже междометия: «Ёёёёёёжик!», «у-тю-тю-тю-тю», «ну ты это, заходи...» и др.

Приведем примеры употребления в текстах разных жанров разнообразных отсылок к ПТ мультфильмов:

Газета «Ведомости»: «По сравнению с вами да, так и есть, мы белые и пушистые», – сказал Путин, обращаясь к журналисту британского ВВС. <...> «Если уж не пушистые, то во всяком случае весьма благообразные, настроенные на то, чтобы вести диалог и добиваться компромиссных решений. Хочется сказать словами кота Леопольда из одного из наших мультфильмов: ребята, давайте жить дружно», – резюмировал глава государства.

В школе: Я опаздывала на урок. Вошла, а учитель и произнёс: «Доброе утро!» Я испуганно повторила: «Доброе утро...» и откуда-то из-под сознания вырвалось тихо: «В чём я лично очень сомневаюсь». Учитель расслышал, рассмеялся, но разрешил мне сесть на своё место. <...> Спасибо Ослику из «Винни-Пуха!»

Выхожу рано утром на балкон, покурить... Туман... Ну, взял и крикнул (Никто же не видит): «ЛОШАДКА-А-А-А- А!..» Слышу в ответ: «ЁЖИК!» Настроение на весь день!!!

В мифах всех народов мира обязательно присутствует так называемый культурный герой (Геракл или Илья Муромец) и так называемый трикстер – пародийный двойник героя. Карлсон, конечно, больше трикстер, чем герой, но всё-таки он – герой. Настоящий, творящий добро.

Новое шоу «Щас спою» идёт на «Первом канале» с октября 2019 года.

Если вы когда-нибудь будете в Сибири, в городе Томске, то сможете найти там большую бронзовую скульптуру Волка «Щас спою!». Ему можно нажать на живот – и он произнесет восемь самых известных крылатых выражений из мультика.

Все перечисленные типы отсылок к ПТ мультфильма могут также стать основой для создания мема, и, следовательно, для их декодирования необходимо наличие в структуре языковой личности соответствующих визуальных, аудиальных, эмоциональных и др. мнем.

Представим возможный алгоритм распознавания мемов, основанных на отсылке к ПТ мультфильма: презентация мультфильма → поиск в нём возможных отсылок-мнем, составляющих фрагмент КП → определение языковых способов их оформления → расширенная семантизация, включающая различные способы наглядности, в том числе и употребление в текстах других жанров → анализ мема и употреблённых в нём отсылок к ПТ и их функций. Возможен также подход не от мультфильма, а от самих мемов. Завершающим этапом работы стано-

вится продуцирование учащимися текста или создание собственного мема с опорой на ПТ.

Для иллюстрации обозначенных выше положений приведём примеры заданий из готовящегося нами в настоящее время к изданию учебного пособия «Мультфильмы в жизни и жизнь в мультфильмах», особое внимание в котором уделяется понятиям «культурная память», «мнема», «мем», «прецедентный текст» и «языковая игра».

Рис. 6

Задание 1. Представленные выше изображения (Рис. 6) обычно вызывают у носителя русского языка улыбку, так как являются отсылкой к популярному мультфильму «Чебурашка и крокодил Гена». Познакомьтесь с этим мультфильмом, попробуйте объяснить смысл этих изображений.

Задание 2. В основе мультфильма «Чебурашка и крокодил Гена» лежит сказка Э.Н. Успенского «Крокодил Гена и его друзья». Прочитайте главы из этой сказки, обращаясь к лексическому комментарию. <...>

Задание 3. Посмотрите вторую серию мультфильма – «Чебурашка», в начале которой звучит ставшая очень известной песня «Пусть бегут неуклюже...» (авт. Александр Тимофеевский). Как вы думаете, в каких ситуациях чаще всего поют эту песню? Есть ли подобные песни на вашем родном языке?

Задание 4. Прочитайте реплики и диалоги из мультфильма (первая и вторая серии). Как вы думаете, какие фразы из мультфильма стали широко употребляться в речи? В каких ситуациях они используются?

1) – Опять чебурахнулся. Ух ты, Чебурашка какой. Что мне с тобой делать? – Не знаю. 2) – Не, этот не пойдёт. Незвестный науке зверь. Не знають, куда его посадить. <...>

Задание 5. Кузнецов Андрей Тимофеевич, российский художник-постановщик анимационного кино, иллюстратор, создал в 2003 году проект «Чебурген». Проект собрал более двухсот художественных работ и фотографий различных авторов, изображающих героев мультфильма в пар-

дийном, юмористическом контексте. Среди наиболее интересных работ проекта – серия «Чебурашки», включающая пародии на произведения искусства, кинофильмы и исторические события. Позже жанр развился, появились новые персонажи и образы. Направление получило название «Мультизм». Познакомьтесь с некоторыми работами этой серии (см. Рис.7), постарайтесь догадаться об их прототипах.

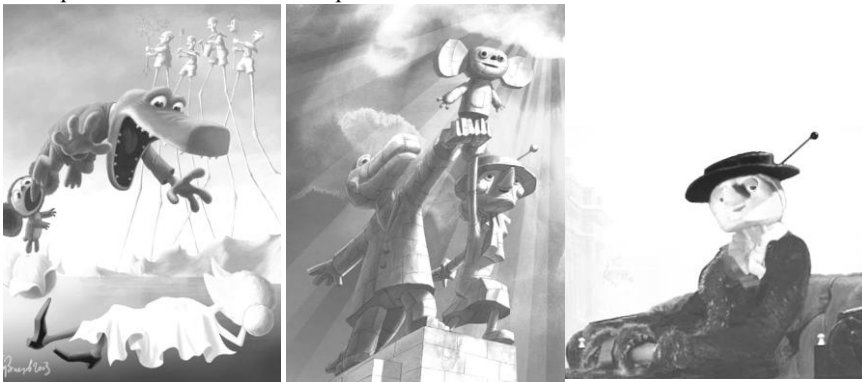

Рис. 7

Задание 6. Прочитайте анекдоты про Чебурашку. Объясните, на чём основан комический эффект.

1) По наследству передаются не только гены, но и чебурашки. 2) –Чебурашка, слышь, чё говорю? – Гена, ну ты посмотри на меня! Конечно, слышу! 3) Во время приветствия на боксёрском ринге Чебурашка говорит Колобку: – Бей куда хочешь, но только не по ушам! – Согласен, если ты меня не будешь бить по голове! 4) –В тёмном переулке встретились Чебурашка и Губка Боб. Оба умерли со смеху.

Задание 7. Напишите 3–4 ассоциации на слово *чебурашка* и сравните их с ответами носителей русского языка (*Гена, ушастый, уши, день рождения, мультфильм, весёлый, игрушка, крокодил, автомобиль, бутылка*).

Задание 8. Прочитайте мнения о мультфильме «Чебурашка и крокодил Гена», высказанные иностранными зрителями. Согласны ли вы с этими мнениями? Чем можно объяснить популярность мультфильма «Чебурашка и крокодил Гена» за рубежом?

Pedro Navarrete: «Наблюдая за этим в свои 48 лет, я бы хотел, чтобы у меня была возможность посетить СССР, когда я был маленьким ребёнком».

Aletheajojo: «Вторая часть даже симпатичнее первой. Больше всего мне понравился Чебурашка, танцующий под музыку Гены».

Daniëgo: «Мне очень нравится песня на День рождения, я познакомился с мультфильмом именно из-за этой песни! Она даже немного похожа на «Коробушку» («Коробейники») из игры Тетрис. :)»

José M Lucero: «Мне нравится эта красивая и нежная, но упорная работа в анимации тех лет. Мне не нравится, когда американцы говорят “русский Микки”. Чебурашка уникален, независимо от того, кто кого вдохновил первым или что-то подобное».

Knox Gray: «Это самый симпатичный мультфильм о существе! Боже, как я плакала, это было чертовски мило! Чёрт возьми, я не должна была такое почувствовать».

Macy: «Что за нафиг? Я бы умер за Чебурашку».

Weet Vix: «Это вызывает у меня настоящую ностальгию по русскому детству, которого у меня никогда не было».

Jarrett: «Чебурашка и Гена пришли, чтобы положить конец моей депрессии».

Задание 9. Вернитесь к Заданию 1 и попробуйте ещё раз объяснить смысл мемов. Если бы вы создавали свой мем, то какой кадр из мультфильма вы бы использовали? С какой надписью? В какой ситуации можно было бы использовать получившийся мем?

На определённом этапе изучения иностранного языка на смену его рациональному, системному овладению неизбежным образом приходит языковая интуиция. «Обучение должно быть гибким в плане выбора методов обучения и в плане конкретной организации материала внутри одного метода. В данной связи представляется, что не весь реально усваиваемый при обучении речезыковой материал можно и нужно подсчитывать, исчислять. Это противоречит признанию роли интеллекта и интуиции в обучении и тому обстоятельству, что одновременно с обучением происходит процесс самообучения, самоусвоения» [Слесарева 1988: 44]. Одной из лингводидактических задач, таким образом, становится внедрение в учебный процесс материала, системы заданий, приёмов и методов, помогающих развитию навыков языковой догадки и – шире – генерации ассоциативно-вербальной сети, приближенной к той, которая есть у носителей изучаемого языка. Развитие лингвокреативной компетенции, готовность к языковой игре, в том числе основанной на мнемах и мемах, является необходимым условием формирования билингвальной личности. Тем более если это игра с коллективными воспоминаниями представителей иной культуры.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения иностранным языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.

Банашек-Шаповалова А. Конститутивные признаки жанра интернет-мема в аспекте преподавания РКИ // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. С. 107–119.

В Чехии изучают русские мемы // [Электронный ресурс] <https://ruskiimir.ru/news/248874/> (дата обращения: 19.03.2022)

Гридина Т.А. «Своя игра»: ребёнок в мире языка: Монография. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2016. – 177 с.

Двоскина Е. «А Саша выйдет?» Советское детство в историях и картинках / СПб.; М.: Речь, 2021. – 224 с.

Елистратов В.С., Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Мультипликация как феномен русской культурной памяти: лингводидактические аспекты // Вестник МГОУ. 2021. № 4. С. 108–118. DOI: 10.18384/2310-7219-2021-4-108-118

Зыкова К.А. Перспективы использования интернет-мемов в обучении РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1491–1495.

Использование мемов, шуток и анекдотов на уроке // [Электронный ресурс] <https://support.italki.com/hc/ru/articles/4916685318169> (дата обращения: 19.03.2022)

Канашина С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4(193). С. 122–127.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

Мельник Ю.А. Мем как феномен мультимодальной коммуникации на уроке РКИ // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: Мат-лы VI Междунар. научно-метод. конф. Омск, 2020. С. 270–274.

Моё богатство (три копейки) // [Электронный ресурс] https://www.youtube.com/watch?v=YVEiSQwzIuM&ab_channel=SHOWREEL%D0%A7%D0%95%D0%92%D0%90%D0%96%D0%95%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (дата обращения: 27.03.2022)

Писарь Н.В. Интернет-мемы как средство формирования лингвострановедческой компетенции при обучении иностранных студентов и слушателей русскому языку // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. № 3. С. 326–331.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Словарь детской речи как дифференциально-распределительная лексикографическая серия (проект) // Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: Коллективная монография / отв. ред. В.Д. Черняк, М.А. Черняк. СПб: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 189–218.

Ружицкий И.В. Использование категории мнемы в преподавании РКИ // Преподавание русского языка как иностранного и литературы в КНР: Тенденции и перспективы развития. М.: Изд-во «Перо», 2019. С. 74–83.

Ружицкий И.В. Культурная память как прецедентный текст // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. Вып. 3. С. 61–67.

Слесарева И.П. Владение и овладение языком: правила и интуиция // Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: Русский язык, 1988. С. 36–44.

Старинные слова с твёрдым знаком. «Ъ» и «Ѣ» как знаки элиты // [Электронный ресурс] <https://goaravetisyan.ru/starinnye-slova-s-tverdym-znakom--i-kak-znaki-elity-pizhonstvo-na/> (дата обращения: 19.03.2022)

Черняк В.Д., Ли. Х. «Баба-Яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 4(82). С. 68–76.

Щурина Ю.В. Интернет-мем как прецедентный феномен // Язык в различных сферах коммуникации : материалы международной научной конференции, Чита, 25–26 сентября 2014. С. 102–108.

Эко У. Тайнственное пламя царицы Лоаны // [Электронный ресурс] https://mir-knig.com/read_365586-1 (дата обращения: 26.03.2022)

REFERENCES

Azimov E.G., SHCHukin A.N. *Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij. Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam.* М.: Russkij yazyk. Kursy, 2018. – 496 s.

Banashek-SHapovalova A. *Konstitutivnye priznaki zhanra internet-mema v aspekte преподаvaniya RKI* // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. S. 107–119.

V SHekhii izuchayut russkie memy // [Elektronnyj resurs] <https://ruskiymir.ru/news/248874/> (data obrashcheniya: 19.03.2022)

Gridina T.A. «Svoya igra»: rebyonok v mire yazyka: Monografiya. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t», 2016. – 177 s.

Dvoskina E. «A Sasha vyjdet?» *Sovetskoe detstvo v istoriyah i kartinkah* / SPb.; М.: Rech', 2021. – 224 s.

Elistratov V.S., Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Mul'tiplikaciya kak fenomen russkoj kul'turnoj pamyati: lingvodidakticheskie aspekty // Vestnik MGOU. 2021. № 4. S. 108–118. DOI: 10.18384/2310-7219-2021-4-108-118

Zykova K.A. Perspektivy ispol'zovaniya internet-memov v obuchenii RKI // Dinamika yazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. 2018. № 6. S. 1491–1495.

Ispol'zovanie memov, shutok i anekdotov na uroke // [Elektronnyj resurs] <https://support.italki.com/hc/ru/articles/4916685318169> (data obrashcheniya: 19.03.2022)

Kanashina S.V. Internet-mem i precedentnyj fenomen // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 4(193). S. 122–127.

Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. – 264 s.

Mel'nik YU.A. Mem kak fenomen mul'timodal'noj kommunikacii na uroke RKI // Problemy modernizacii sovremennoogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty: Mat-ly VI Mezhdunar. nauchno-metod. konf. Omsk, 2020. S. 270–274.

Moyo bogatstvo (tri kopejki) // [Elektronnyj resurs] https://www.youtube.com/watch?v=YVEiSQwzIuM&ab_channel=SHOWREEL%D0%A7%D0%95%D0%92%D0%90%D0%96%D0%95%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (data obrashcheniya: 27.03.2022)

Pisar' N.V. Internet-memy kak sredstvo formirovaniya lingvostranovedcheskoj kompetencii pri obuchenii inostrannyh studentov i slushatelej russkomu yazyku // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 5. № 3. S. 326–331.

Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Slovar' detskoj rechi kak differencial'no-raspreditel'naya leksikograficheskaya seriya (proekt) // Detskoe chtenie: problemy recepcii i interpretacii: Kollektivnaya monografiya / otv. red. V.D. Chernyak, M.A. Chernyak. SPb: Izd-vo RPGU im. A.I. Gercena, 2020. S. 189–218.

Ruzhickij I.V. Ispol'zovanie kategorii mnemy v prepodavanii RKI // Prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo i literatury v KNR: Tendencii i perspektivy razvitiya. M.: Izd-vo «Pero», 2019. S. 74–83.

Ruzhickij I.V. Kul'turnaya pamyat' kak precedentnyj tekst // Vestnik CMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2014. Vyp. 3. S. 61–67.

Slesareva I.P. Vladenie i ovladenie yazykom: pravila i intuiciya // YAzykovaya sistemnost' pri kommunikativnom obuchenii. M.: Russkij yazyk, 1988. S. 36–44.

Starinnye slova s tvorydym znakom. «"» i «Ъ» kak znaki elity // [Elektronnyj resurs] <https://goaravetisyan.ru/starinnye-slova-s-tverdym-znakom--i-kak-znaki-elity-pizhonstvo-na/> (data obrashcheniya: 19.03.2022)

СНерняк V.D., Ли. Н. «Baba-YAga protiv»: precedentnye fenomeny iz mul'tfil'mov v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2020. № 4(82). S. 68–76.

SHCHurina YU.V. Internet-mem kak precedentnyj fenomen // YAzyk v razlichnyh sferah kommunikacii : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, СНита, 25–26 sentyabrya 2014. S. 102–108.

Еко U. Tainstvennoe plamyа caricy Loany // [Elektronnyj resurs] https://mir-knig.com/read_365586-1 (data obrashcheniya: 26.03.2022)

©Ружицкий И.В., 2022

©Потемкина Е.В., 2022

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)

Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет

E-mail: konnitie@mail.ru

Ruzhitsky Igor Vasilyevitch – doctor of philology, docent, professor of Russian language for foreign students department of philological faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Потёмкина Екатерина Владимировна – преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119331, Россия, г. Москва, ул. Крупской, 11, 117.

E-mail: kpisareva@yandex.ru

Ekaterina V. Potemkina – teacher, the Russian Language Department for Foreign Students of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).